

ТУРГЕНЕВСКОЕ ОБЩЕСТВО

Тургеневский сборник

Выпуск 1

*К 180-летию
со дня рождения И. С. Тургенева*

Москва
Русский путь
1998

И.С. ТУРГЕНЕВ И НЕМЕЦКАЯ КУЛЬТУРА

«Я столь многим обязан Германии, что люблю и почитаю ее, как свою вторую родину»*, — признался И.С. Тургенев в предисловии к переводу на немецкий язык повести «Отцы и дети», изданному в Митаве (ныне г. Елгава в Латвии) в 1869 году.

Это признание произвело на некоторых современников несколько неприятное впечатление. П.Д. Боборькин, например, в своих воспоминаниях о Тургеневе счёл долгом выразить по поводу данной фразы недоумение и так прокомментировать её: «У Тургенева была платоническая любовь к немецкой умственной культуре, сохранившаяся как реликвия молодости, но в плоть и кровь его она не вошла. <...> Он был необыкновенно хорошо знаком со всем, что составляет духовное достояние Германии, прекрасно говорил по-немецки, и из всех известных мне русских писателей он только овладел всесторонне знакомством с немецкой образованностью. Но всё это было само по себе; оно не накладывало печати ни на его привычки, ни на его разговор, не давало ему никаких исключительно немецких пристрастий»¹.

В чём-то П.Д. Боборькин прав. Во внешнем облике и поведении Тургенева ничто не напоминало «типичного немца», как рисовало его массовое сознание в России. Впрочем, он не был ни «типичным русским», ни «типичным французом». Ему были чужды национальные пристрастия и антипатии, не говоря уже о любых формах национальной ограниченности. По воспитанию, образованию, мировоззрению и, наконец, по образу жизни он был прежде всего европейцем, и благодаря этому образы России и

* Цитаты из произведений и писем И.С. Тургенева даются в тексте без ссылок. Используемые при работе издания приведены в библиографии на с. 70.

русских вошли в европейское литературное пространство такими, какими видел их этот гуманный мыслитель — любящий и беспристрастный.

Но путь в Европу для Тургенева прошел через Германию, которая стала его духовной родиной.

I

И. ТУРГЕНЕВ В ГЕРМАНИИ. ВПЕЧАТЛЕНИЯ И ВСТРЕЧИ

В 1836 году Тургенев окончил Петербургский университет по словесному отделению философского факультета, а в 1838 году стал студентом Берлинского университета. «Мне было всего 19 лет; об этой поездке я мечтал давно. Я был убежден, что в России возможно только набраться некоторых приготовительных сведений, но что источник настоящего знания находится за границей. Из числа тогдашних преподавателей Петербургского университета не было ни одного, который бы мог поколебать во мне это убеждение», — вспоминал впоследствии Тургенев в предисловии к своим «Литературным и житейским воспоминаниям».

Приобщение Тургенева к миру немецкой культуры началось в московском пансионе Иоганна Фридриха Вайденхаммера (Ивана Ивановича Вейденгаммера) (1785—1836), где он воспитывался с 1827 по 1829 год*. Здесь он овладел разговорным немецким языком и прочел первые книги на немецком языке. С этого времени немецкая литература навсегда вошла в круг чтения будущего писателя. В отрочестве и ранней юности он зачитывался Шиллером; став постарше, он открыл для себя Гёте. «Фауст» был, пожалуй, самым любимым произведением Тургенева; по свидетельству поэта и переводчика Ф. Боденштедга, Тургенев знал наизусть всю его первую часть. В Московском (1833—1834) и в Петербургском (1834—1836) университетах Тургенев сделал первый шаг в мир немецкой философии и проникся уважением к немецкой науке.

* Возможно, пребывание в пансионе Вайденхаммера относится к 1830—1831 гг. (Подробнее об этом см.: Лит. наследство. Т. 1. М., 1964. С. 347.)

Будучи студентом Петербургского университета, Тургенев брал уроки древних языков у молодого преподавателя Фёдора Андреевича (Христофора Фридриха) Вальтера (1816—1886), впоследствии посвятившего свою жизнь работе в Петербургской публичной библиотеке. Несмотря на юный возраст (он был лишь двумя годами старше своего ученика), Ф.А. Вальтер обладал глубочайшими познаниями в истории и культуре античного мира, любовь к которому он смог передать будущему писателю. «Разумеется, я не забыл о том времени, когда был Вашим учеником — и если я на всю жизнь сохранил любовь к античности и классической литературе и поклонение им, то этим отчасти обязан Вам», — писал Тургенев своему бывшему учителю 40 лет спустя — 2 ноября 1878 года. Незадолго до этого, вернувшись из лондонской поездки, он обнаружил на своем письменном столе изящно изданный поэтический сборник на латинском языке. Несколько дней назад его оставил автор — Федор Андреевич Вальтер, оказавшийся ненадолго в Париже и решивший навестить своего знаменитого ученика. Но встреча не состоялась...

Студенческие годы в Германии были, пожалуй, одним из самых счастливых периодов жизни Тургенева. «Увы, любезный барон, куда девалось наше беспечальное студенческое житьё в Берлине? Куда кануло всё светлое прошлое?» — писал он незадолго до смерти, 1 сентября 1882 года, своему товарищу по Берлинскому университету Бернгарду Иксулю-Фиккелю.

Учёба в Германии имела огромное значение в формировании жизненных принципов и мировосприятия писателя. 30 лет спустя, размышляя о своём решении продолжать образование в Германии, Тургенев писал в предисловии к «Литературным и житейским воспоминаниям»: «Я весьма ясно сознавал все невзгоды подобного отторжения от родной почвы <...>, но делать было нечего. Тот быт, та среда, та полоса её <...>, к которой я принадлежал — полоса помещичья, крепостная, — не представляли ничего такого, что могло бы удержать меня. Напротив: почти всё, что я видел вокруг себя, возбуждало во мне чувство смущения, негодования — отвращения, наконец. Долго колебаться я не мог. Надо было либо покориться и смиренно побрести общей колеей,

по избитой дороге; либо отвернуться разом, оттолкнуть от себя “всех и вся”, даже рискуя потерять многое, что было дорого и близко моему сердцу. Я так и сделал... Я бросился вниз головой в “немецкое море”, долженствовавшее очистить и возродить меня, и когда я наконец вынырнул из его волн — я всё-таки очутился “западником”, и остался им навсегда».

Тургенев был студентом Берлинского университета с осени 1838 года* по весну 1841 года, однако фактически учился он в общей сложности около полутора лет. Всю осень и декабрь 1839 года он провел в России, в январе — апреле 1840 года путешествовал по Италии, затем — по Германии (посетил Майнц, Франкфурт-на-Майне, Дрезден, Мариенбад и др. города) и лишь 18 октября 1840 года приступил к систематическим занятиям. 5 (1) мая 1841 года Тургенев уехал из Берлина².

В университете Тургенев сосредоточился прежде всего на изучении истории античной культуры. Это было вполне закономерно. В России, как и во многих других европейских странах, литература Древней Греции и Рима являлась основой и главным содержанием среднего и высшего гуманитарного образования, так что 19-летний Тургенев имел довольно основательное представление о том, что выбирал. Впрочем, Тургенев не только знал, но и страстно любил античную культуру, интересу к которой способствовало и чтение немецких поэтов-романтиков, давших как бы вторую жизнь греческим богам и героям.

Студент Тургенев отличался не только любознательностью, но и трудолюбием. Работал он много, стремясь не просто понабраться кое-каких сведений из наук, но и получить основательные и твердые знания. О серьезном отношении Тургенева к своему образованию свидетельствуют следующие строки из его предисловия к «Литературным и житейским воспоминаниям»: «Я слушал в Берлине латинские древности у Цумпта** историю гре-

* Тургенев приехал в Берлин 12 (24) сентября; 19 (31) октября он начал тетрадь, в которой записывал лекции по греческой литературе А. Бёка.

** Цумпт Карл Готтлиб (1792—1849) — филолог; профессор Берлинского университета с 1829 г. Автор учебника латинской грамматики. Сохранились две тетради Тургенева с лекциями Цумпта (1838 и 1841).

ческой литературы у Бёка* — а на дому принужден был зубрить латинскую грамматику и греческую, которые знал плохо».

Пребывание в Берлинском университете укрепило любовь Тургенева к миру античности, ставшему для него высшим эстетическим идеалом. «Сам я, конечно, реалист, и сын своего времени — но больше всего люблю и почитаю античность и античную форму произведений искусства», — признавался он в письме к Л. Фридлиндеру от 30 октября (11 ноября) 1869 года.

Другим важнейшим предметом изучения Тургенева стала немецкая философия и, прежде всего, философия Гегеля, сыгравшая значительную роль в духовных исканиях русской интеллигенции 1830—1840 годов.

Молодой профессор Вердер**, преподававший в то время в Берлинском университете философию Гегеля, обладал незаурядным педагогическим талантом и неотразимым обаянием. Он стремился, чтобы философия его кумира стала для студентов не просто знанием, но мировосприятием, и, излагая им систему Гегеля, он как бы освещал и согревал ее теплом своей души. О том, какое воздействие оказывал Вердер на слушателей, прекрасно сказал Н.В. Станкевич, также посещавший его лекции в Берлинском университете: «Профессор Вердер — редкий молодой человек, наивный, как ребёнок. Кажется, на целый мир смотрит он, как на своё поместье, в котором добрые люди беспрестанно готовят ему сюрпризы. Его беседы имеют спасительное влияние: все предметы невольно принимают тот свет, в котором он их видит, и становится самому лучше, и сам становишься лучше»³.

Такой человек не мог оставить равнодушной и романтическую натуру молодого Тургенева, с восторгом и самозабвением

* Бёк Филипп Август (1785—1867) — знаменитый филолог-классик; профессор Берлинского университета с 1810 г.; автор многочисленных трудов по истории и культуре Древней Греции. Сохранилась тетрадь Тургенева с записями лекций Бёка (1838).

** Вердер Карл (1806—1893) — философ, поэт, драматург. С 1834 — привал-доцент, с 1838 — профессор кафедры философии Берлинского университета. Автор трагедии «Columbus», неоднократно ставившейся на сценах германских театров.

постигавшего лабиринты и бездны философии. «Вы не поверите, с каким жадным интересом слушаю я его чтения, как томительно хочется мне достигнуть цели, как мне досадно и вместе радостно, когда всякий раз земля, на которой думаешь стоять твёрдо, проваливается под ногами», — писал Тургенев Т.Н. Грановскому 8 (20) июня 1839 года.

Неизгладимое впечатление оставил у Тургенева профессор Риттер*, читавший в Берлинском университете лекции по географии. «Наружность его была замечательная: почтенная и важная; массивная голова, правильные черты, высокий лоб, выразительные большие глаза и сочный, звучный, приятный голос внушали невольное уважение; а плавная, спокойная и в то же время картинная, колоритная речь увлекала неотразимо и лилась безостановочно, как река! Я никогда не видывал более изящного профессора; изящного без всякой приторности, величавого без напыщенности»⁴, — вспоминал Тургенев 30 лет спустя.

Вероятно, внешний облик и манера держаться профессора Риттера оставили в жизни Тургенева большой след, нежели конкретное содержание его лекций. Впрочем, для полноценного гармоничного гуманитарного образования личность носителя знания имеет немалое значение. Вместе с сообщаемыми им фактами и идеями он навсегда входит во внутренний мир своих слушателей, и нередко его образ так или иначе воздействует на их характер, мировосприятие, способ мышления. Характеристика Риттера, данная Тургеневым, невольно напоминает свидетельства современников о самом Тургеневе. Отсюда отнюдь не следует, что Тургенев копировал Риттера, но, несомненно, этот «изящный без всякой приторности, величавый без напыщенности» профессор оказал на будущего писателя определенное влияние и не случайно, что через 30 лет Тургенев вспомнил именно те черты Риттера, которые были присущи и ему.

Круг чтения Тургенева был довольно широк. Настольной его книгой был Гомер в переводе известного немецкого поэта И.-Г.

* Риттер Карл (1779—1859) — автор знаменитого труда «География в связи с природой и историей человечества» (Берлин, 1817—1818).

Фосса (1781—1826). Отдыхая в Мариенбаде, И.С. Тургенев писал 3 (15) сентября 1840 года М.А. Бакунину и А.П. Ефремову*: «Мне очень досадно, что я с собой не взял Гомера. Как было бы мне отраднo скитаться в сосновом лесу и читать о битвах *der lanzenkundigen Manner***». Душа желает поплавать в эпическом море».

Другой настольной книгой Тургенева в студенческие годы был «Фауст» Гёте. Усилению интереса к нему способствовали отчасти лекции Вердера, который часто цитировал «Фауста» в своих философских лекциях. Во время пребывания в России в конце 1839 года любимым чтением Тургенева были по-прежнему произведения Гёте. «Я всё не перестаю читать Гёте. Это чтение укрепляет меня в эти вялые дни. Какие сокровища я беспрестанно открываю в нём! Вообразите — я до сих пор не читал “Римских элегий”». Какая жизнь, какая страсть, какое здоровье дышит в них! <...> Эти элегии огнём пролились в мою кровь. Как я жажду любви», — писал Тургенев Грановскому из Петербурга 4(16) декабря 1839 года.

В письме к Т.Н. Грановскому от 18 (30) мая 1840 года из Берлина Тургенев также делится впечатлениями о прочитанных книгах: восторгается «Философией и христианством» Л. Фейербаха и лирикой А. Шамиссо, в особенности его поэтическим циклом «Любовь и жизнь женщины», однако, в целом, довольно критически оценивает состояние современной немецкой литературы, которую тогда ещё недостаточно хорошо знал. («Читаю я современную немецкую литературу: до сих пор ничего не попадалось хорошего <...> И тем более обидно, что это не просто вздор; нет — но удивляешься, как должны быть неблагодарны почвы, оплодотворенные новыми идеями и так скудно, так плачевно развившие их!»)

В студенческие годы Тургенев не только читал, но и пробо-

* Ефремов Александр Павлович (1814—1876) — студент Берлинского университета в 1839—1843 гг. До 1848 г. — преподаватель Московского университета.

** Дословно: мужей, искусно владеющих копьем.

вал сочинять на немецком языке. В письме к А.П. Ефремову и М.А. Бакунину от 3, 8 (15, 20) сентября 1840 года содержится два довольно длинных стихотворения: «Русский», написанное по-русски и «Немец», написанное по-немецки. Они повествуют о любовных страданиях двух молодых людей, источник которых, однако, различен: «Русский» терзается, ибо его покидает возлюбленная; «Немец» сам покинул когда-то возлюбленную, но теперь терзается запоздалым раскаянием. «Советую вынуть носовые платки, ибо трогательно», — шутивно предупредил своих друзей Тургенев, посылая им свои поэтические опыты.

Будучи студентом Берлинского университета, Тургенев познакомился с многими представителями немецкого литературного и научного мира, которые были частыми гостями в семье Фроловых. Николай Григорьевич Фролов (1812—1855) — бывший гвардейский офицер и будущий литератор — учился в то время в Берлинском университете. Его жена — Елизавета Павловна, отличавшаяся обаянием, умом и образованностью, — была душой общества. В доме Фроловых Тургенев встречал А. Гумбольдта, известную писательницу Беттину фон Арним (1785—1859); писателя, литературного критика и переводчика Карла Августа Фарнгагена фон Энзе (1785—1858).

Приезжая в Берлин в последующие годы, Тургенев неоднократно посещал Фарнгагена фон Энзе, а в 1847 году посвятил ему стихотворение, поводом для которого послужило расхождение в политическом курсе России и Пруссии, вызванное незначительными либеральными уступками Фридриха Вильгельма IV. В стихотворении звучит надежда на будущее взаимопонимание между двумя народами и на то, «что, чуждый немцу с колыбели, / Через один короткий век / Сойдется с ним у той же цели, / Как с братом, русский человек».

Впоследствии Тургенев в своих воспоминаниях о Н.В. Станкевиче признавался, что к Фроловым он ходил, дабы «молчать, разиня рот, и слушать». Однако можно предположить, что Тургенев молчал отнюдь не всё время, о чём свидетельствует его письмо Беттине фон Арним, написанное в конце 1840 или в начале 1841 года. Неизвестно, было ли оно отправлено, поскольку

нам известен лишь его черновик, однако независимо от его судьбы письмо представляет огромный интерес. В нём можно найти прообразы идей и проблем, которые станут основой многих произведений будущего писателя; оно отражает отчасти содержание бесед с Беттиной фон Арним 20-летнего Тургенева и философские вопросы, которые волновали его в то время. Наконец, оно свидетельствует, сколь совершенно владел немецким языком этот русский студент, написавший на нём своего рода философское эссе, отличающееся глубиной и образностью.

«Когда Вы вчера рассказали мне о той удивительной ассоциации, которая возникла у Вас при созерцании мерцающего огня, когда Вы затем говорили о природе как о чём-то одушевленном, живом и под конец задали мне вопрос, понял ли я Вас, — я ответил на это утвердительно; но мне очень важно знать — действительно ли я понимаю это», — так начал Тургенев своё письмо. Разговор с Беттиной фон Арним навёл его на размышления о связи человеческого духа с природой, о том, как достичь единства и гармонии с природой, которая является высшей истиной и красотой, «живым духом, ставшим плотью». По мнению Тургенева, «для того, чтобы иметь возможность вступить в этот союз, надо быть таким же правдивым, как сама природа, чтобы каждый замысел природы, каждое её движение претворялось в человеческой душе непосредственно в сознательные мысли, в духовные образы». Но ложь и эгоизм людей не дают им понять природу и наслаждаться ею. «Глубокий, прекрасный смысл природы вдруг откроется на мгновение кому-нибудь — и исчезнет <...> природа хочет говорить <...> и вдруг она немеет и лежит перед нами мертва и молчалива; глубочайшая ночь окутывает всё кругом. <...> Стоит только выйти в открытое поле, в лес — и, если, несмотря на всё радостное состояние души, чувствуешь всё же в сокровенной её глубине какую-то сдавленность, внутреннюю скованность, которая проявляется как раз в тот миг, когда природа овладевает человеком, — тогда узнаешь свои пределы, ту тень, которая не хочет исчезнуть в ярком свете самозабвения, тогда скажешь себе: “Ты всё ещё эгоист!”» Таким образом, Тургенев был убеждён, что природа способна заставить человека

взглянуть на себя со стороны, способна сделать его лучше, правдивее, чище: «Томление вечера, тихая самоуглубленность ночи, полная мысли радость утра сменяются в его груди: он создан из плоти и крови, он дышит, он видит; он не может избежать влияния природы; он не может всецело жить во лжи».

Тургенев верил, что Беттина фон Арним достигла единства с духом природы. «Как вся природа, вплоть до её самых сокровенных колебаний, открыта для Вас, так и Ваш дух весь открыт для природы», — писал он ей. В этом, вероятно, Тургенев видел один из секретов таланта Беттины фон Арним: «Вы никогда не описывали природу — природа под Вашим пером претворялась в слова».

К этому в будущем стремился и он сам.

Среди товарищей Тургенева по Берлинскому университету было немало соотечественников: Т.Н. Грановский (1813—1855), Н.В. Станкевич (1813—1840), М.А. Бакунин (1814—1876), будущий попечитель Кавказского учебного округа (в 1864—1879) Я.М. Неверов (1810—1893) и другие.

С Т.Н. Грановским Тургенев познакомился ещё в 1835 году, когда оба были студентами Петербургского университета. Примечательно, что самым ярким эпизодом этого знакомства для Тургенева стал вечер, когда Грановский прочёл ему отрывок из своей драмы «Фауст». Несколько раз Тургенев и Грановский виделись в Петербурге, а затем встретились в Берлине, однако, как вспоминал Тургенев, они практически не общались. «Я почти не видался с ним тогда — и мы не сошлись. Говоря правду, я тогда не стоил того, чтобы сойтись с ним. <...> Познакомился я с Грановским окончательно в Москве», — отмечал Тургенев в воспоминаниях о Грановском.

Видимо, та же свойственная молодости склонность к самоуничижению помешала Тургеневу в Берлине завязать дружеские отношения с Н.В. Станкевичем, с которым его познакомил Т.Н. Грановский в конце 1838 года. «Я очень скоро почувствовал к нему уважение и нечто вроде боязни, проистекавшей, впрочем, не от его обхождения со мною, которое было весьма ласково, как со всеми, но от внутреннего сознания собственной недостойнос-

ти и лживости», — писал Тургенев в своих воспоминаниях о Н.В. Станкевиче.

Ближе узнал Тургенев Станкевича в Риме в 1840 году незадолго до его смерти.

Из русских, живших в Берлине, наиболее короткие отношения были у Тургенева с М.А. Бакуниным, с которым он познакомился в июле 1840 года. Они жили в одном доме и виделись почти каждый день. В то время в Бакунине ничто не предвещало анархиста-революционера, каким он стал впоследствии. Подобно Тургеневу, он был упоён немецкой философией и литературой, и мировоззрение его почти всецело определял Гегель. «Примирение с действительностью, во всех отношениях и во всех сферах жизни, есть великая задача нашего времени; и Гегель, и Гёте — главы этого примирения, этого возвращения от смерти к жизни»⁵, — считал в те времена будущий революционер. А по воспоминаниям П.В. Анненкова, знавшего Бакунина в конце 1830-х годов, «он производил впечатление человека глубоко консервативного, религиозного, даже с мистическим оттенком, семейно-добродетельного, нравственного, музыкального», который доказывал, что «в жизни всё прекрасно, всё благо и что самые страдания в ней необходимы, как очищение духа»⁶.

Друзья аккуратно посещали лекции своего любимого профессора Вердера, прилежно штудировали «Логику» Гегеля, а по вечерам ходили в гости к Фроловым или к сестре Бакунина — В.А. Дьяковой, у которой они также нередко встречали Вердера.

Интересные свидетельства о жизни Тургенева и Бакунина в Берлине оставил один из их товарищей по университету — остзеец Бернгард Иксуль-Фиккель (см. упомянутое ранее письмо к нему Тургенева), впервые встретивший их на лекции Вердера. «Мы, земляки, скоро познакомились, — вспоминал Б. Иксуль-Фиккель, — и часто, не менее двух раз в неделю, сходились по вечерам то у меня, то у моих друзей, живших на одной квартире, для занятий философией и беседы. Хороший русский чай <...> и хлеб с холодной говядиной служили материальной придачей этих вечеров; вина мы никогда не пили, но несмотря на это, просиживали иной раз до раннего утра, увлекшись разговором, перехо-

дившим нередко в спор. Тургенев был самый спокойный из нас. <...> В 1839—1840 гг. Тургенев ничем особенным не выделялся, но был преисполнен самых идеальных взглядов и надежд относительно будущего преуспеяния и развития своего отечества. <...> Я не слышал, чтобы он когда-либо высказывал горячие надежды или желания по поводу отмены крепостного права. <...> Даже сам Бакунин <...> смотрел на освобождение крестьян как на дело далёкого будущего»⁷.

В мае 1841 года Тургенев вернулся в Россию, но через год он вновь посетил Германию: в августе-октябре 1842 года он жил в Дрездене, а в ноябре — в Берлине.

В следующий раз Тургенев приехал в Берлин четыре года спустя — в конце января 1847 года, чтобы присутствовать на выступлениях Полины Виардо в Оперном театре. На этот раз он пробыл в Берлине три с половиной месяца — до 13 (25) мая⁸. В течение этого времени Тургенев встречался с многими представителями немецкой интеллигенции, следил за культурной, научной и общественно-политической жизнью столицы Пруссии. Свои впечатления Тургенев хотел изложить в серии очерков для журнала «Современник», озаглавленных «Письма из Берлина», однако написал лишь одно письмо, датированное 1 марта 1847 года.

Нельзя не заметить сквозившего в нём разочарования. Берлин 1838—1841 годов, который писатель хранил в памяти, совсем не походил на Берлин 1847 года. «Помните ли восторженные описания лекций Вердера, ночной серенады под его окнами, его речей, студенческих слёз и криков? <...> В сороковом году с волнением ожидали Шеллинга*, шикали с ожесточением на первой лекции Шталя**, воодушевлялись при одном имени Беттины***, с благоговением слушали Стеффенса****», — вспоминает Тургенев. Теперь же, по его мнению, «литературная, теоретическая, философская, фантастическая эпоха германской жизни, ка-

* Ф. Шеллинг читал лекции в Берлинском университете в 1841—1842 гг.

** ф. Шталь (1802—1861) — юрист и политический деятель. Профессор Берлинского университета с 1840 г.

*** Беттина фон Арним.

**** Х. Стеффене (1773—1845) — философ, естествоиспытатель, балетрист.

жется, кончена». Разочарование от встречи с городом своей романтической молодости во многом определило содержание письма. Тургенев язвительно критикует практически все стороны берлинской общественной и культурной жизни, и лишь появление так называемого «кабинета для чтения» (в дословном переводе — «газетного зала»), в котором можно ознакомиться с шестьюстами наименованиями газет, вызывает его одобрение.

В 1847 году в Берлине Тургенев встретился с филологом-классиком и бывшим политическим заключённым Германом Мюллером-Штрюбингом (1812—1893), которого знал ещё со студенческих лет. Г. Мюллер-Штрюбинг помог Тургеневу войти в круг берлинской интеллигенции, где он, благодаря блестящему владению немецким языком и таланту рассказчика, был принят весьма радушно.

«Он не только свободно говорил по-немецки, но и обладал редко встречающейся меткостью, полнотою и ясностью выражений. <...> Русский гость с первого же вечера стал центром нашего кружка. Все его слушали с благоговением, как очарованные»⁹, — вспоминал один из новых знакомых Тургенева художник и литератор Карл Адольф Людвиг Пич (1824—1911).

Прошло 16 лет, и вот, 25 апреля 1863 года Л. Пич, приехав в Париж, неожиданно встретил Тургенева — теперь уже прославленного писателя — в салоне Полины Виардо.

«В тот счастливый день мне была суждена ещё и другая, пожалуй, не меньшая радость: в комнату вошел Тургенев. <...> У него совершенно побелела борода и волосы, но искусство сохранило его душу такой молодой, что он кажется даже моложе, чем тогда, когда бездеятельно и уныло слонялся по свету», — рассказывал Пич своему другу Т. Шторму об этой встрече в письме от 14 июля 1863 года¹⁰.

Несколько дней спустя Тургенев подарил Пичу французское издание собрания своих сочинений, которые произвели на него неизгладимое впечатление. «Тут впервые я смог узнать и оценить его поэтическую силу и искусство во всём их величии, чистоте и благородстве. По целым дням Париж и собственная цель моего приезда отступали для меня на совершенно задний план, и я

почти забывал о них, поглощённый этими творениями моего друга, прелесть которых совершенно пленила меня», — вспоминал Пич много лет спустя¹¹.

С этого времени между Тургеневым и Пичем завязались тесные дружеские и деловые связи. В 1863—1870 годах Пич каждое лето гостил у Тургенева в Баден-Бадене, а впоследствии неоднократно встречался с ним в Берлине и Париже. На протяжении 20 лет между ними не прерывалась интенсивная переписка (сохранилось 125 писем Тургенева Пичу), ставшая для обоих привычкой и потребностью. Пич немало способствовал расширению контактов Тургенева с немецким литературным и художественным миром. Благодаря ему писатель познакомился с Т. Штормом, Б. Ауэрбахом, скульптором Р. Бегасом, художником А. Менделем и др. Тургенев был уверен в добросовестности, чувстве стиля и литературном вкусе своего друга и неоднократно просил его о помощи в редактировании переводов своих сочинений на немецкий язык. (При проверке точности Пич пользовался, однако, лишь французскими переводами, т. к. русского языка он не знал). Некоторые корректуры Пич и Тургенев правили совместно, в том числе перевод «Призраков», выполненный Ф. Боденштедтом. Об этой работе, происходившей в августе 1864 года в Баден-Бадене, Пич оставил следующие воспоминания: «Никогда не забуду я тот августовский вечер, когда в маленьком, интимном салоне виллы Виардо <...> Тургенев, вместе с хозяйкой дома и со мной, принялся за исправление этого перевода. Имея в руках русский оригинал, он обдумывал каждое слово, которое я ему прочитывал в рукописи Боденштедта; он спрашивал наше мнение, и потом большинством голосов решалось, какое из немецких выражений точнее передаёт все оттенки русского подлинника»¹².

Перу Пича принадлежит и перевод пьесы Тургенева «Нахлебник» (с французского перевода), впервые поставленной в Государственном театре во Франкфурте-на-Майне 2 ноября 1883 года. Пич был автором рецензий на произведения Тургенева и статей о его творчестве, способствовавших повышению интереса немецкой читающей публики к писателю. Важнейшее их достоинство заключалось в том, что Пич, благодаря постоянному лич-

ному общению с Тургеневым, лучше других критиков знал авторскую позицию и стремился выразить её максимально точно. Так, например, некоторые положения рецензии на «Отцов и детей», опубликованной в одной из берлинских газет, были высказаны в письме Тургенева Пичу от 22 мая (3 июня) 1869 года. «Выразите в ней [рецензии — *И. I*] Ваше недоумение и удивление по поводу того, что молодое русское поколение восприняло образ Базарова как обидную карикатуру, как клеветнический памфлет. Более того, укажите на то, что я задумал этого молодца даже чересчур героически идеализированным <...> и что у русской молодёжи слишком чувствительная кожа. <...> Я осмеливаюсь просить Вас о такой рекламе — потому что она полностью соответствует истине и, конечно, нисколько не противоречит Вашему убеждению». Таким образом, рецензия Пича в некоторой степени должна была стать и стала как бы обращением Тургенева к своим немецким читателям.

С многими представителями немецкой интеллигенции Тургенев познакомился в Париже. Значительную их часть составляли эмигранты, участвовавшие в революционном движении в Германии в 1848-49 годах. Здесь он встречался с известным поэтом и революционером Георгом Гервегом (1817—1875), публицистом Г.-Б. Оппенгеймом (1819—1889), естествоиспытателем и философом Карлом Фогтом (1817—1895), будущим экономистом и политическим деятелем Германии Людвигом Бамбергером (1823—1899), писателем и журналистом Рудольфом Линдау (1829—1910), его братом Рихардом Линдау (1831—1910) — талантливым музыкантом, а в будущем — дипломатом, и другими.

В 1856 году в Париже Тургенев познакомился с известным австрийским поэтом, писателем, публицистом и участником революции 1848-49 годов в Германии и Австрии Моритцем Гартманом (1821—1872). М. Гартман был близок к русским эмигрантским кругам, в которых у него с Тургеневым имелись общие знакомые — А.И. Герцен, М.А. Бакунин и другие. В 1860-е годы Тургенев неоднократно встречался с Гартманом в Баден-Бадене и Штутгарте. Перу М. Гартмана принадлежит перевод романа «Дым», получивший высокую оценку Тургенева. «Мне хочется

расцеловать Вас, так лёгок, прекрасен и свободен перевод. Это шедевр! Моё собственное произведение кажется мне в 20 раз лучше», — писал он Гартману 15 (27) мая 1868 года. Известны также переводы Гартмана нескольких рассказов Тургенева («Муму», «Уездный лекарь», «Яков Пасынков», «Постоялый двор», «Три встречи», «Дневник лишнего человека»), опубликованные, как и «Дым», в германской и австрийской периодической печати.

Сохранившиеся письма Тургенева (23 письма за 1858—1869 годы) свидетельствуют о его симпатии и уважении к Гартману, и похвала из его уст была ему особенно приятна. Прочитав в одном из венских журналов статью М. Гартмана о себе, Тургенев сразу же откликнулся на неё в письме от 17 февраля (1 марта) 1868 года: «Ваша статья доставила мне большую радость: ведь если такой человек, как Вы, так говорит о другом, то для того, другого, это лучшая гарантия, что он в самом деле что-то собой представляет».

В 1861 году в Мюнхене произошла встреча Тургенева с известным немецким поэтом, писателем и переводчиком Фридрихом Боденштедтом (1819—1892), в то время профессором кафедры славянских языков Мюнхенского университета. В 1841—1844 годах Боденштедт был домашним наставником в Москве у князей Голицыных, где овладел русским языком и навсегда полюбил русскую литературу. Уже в 1843 году в Лейпциге Боденштедт издал первый сборник своих переводов поэзии Пушкина и Лермонтова. Через несколько лет, однако, крайне неудовлетворённый качеством своего труда, он пытался скупить оставшиеся экземпляры, чтобы уничтожить их, но большинство из них избегло авторской расправы: после выхода в свет сборники разошлись почти мгновенно.

В 1844 году Боденштедт уехал в Тифлис, где стал преподавателем в гимназии. Здесь он познакомился с учителем Тифлисской гарнизонной школы Мирзой-Шаффи, с помощью которого выучил татарский и персидский языки. В 1851 году, после возвращения в Германию, Боденштедт издал сборник своих стихотворений в восточном стиле «Песни Мирзы-Шаффи». Некоторое

время Боденштедт приписывал себе лишь роль переводчика, что позволило ему в стихах выражать весьма смелые мысли, но в конце концов мистификация была раскрыта. «Песни Мирзы- Шаффи» принесли Боденштедту мировую известность. За полвека в Германии они выдержали 160 изданий и были переведены почти на все европейские языки, в том числе и на русский.

Усвоив, помимо татарского и персидского, ещё и грузинский и армянский языки, Боденштедт отправился в путешествие по Кавказу, во время которого внимательно изучал историю, культуру и характер его жителей. В 1847 году он вернулся в Германию и издал книгу «Народы Кавказа и их борьба за свободу против русских», в предисловии к которой предсказывал, что Россия никогда не одержит окончательной победы в этой, развязанной ею, жестокой и несправедливой войне. В книге Боденштедта излагается не только ход военных действий и разоблачается агрессивная политика царизма, но и подробно освещаются традиции и культура народов Кавказа.

Резко отрицательно относясь к внутренней и внешней политике Российской Империи, Боденштедт навсегда сохранил любовь к русской литературе. В 1850-е годы он опубликовал свои новые переводы стихов Пушкина и Лермонтова, а в конце жизни издал мемуары, значительная часть которых посвящена России. В них содержится немало интересных наблюдений и характеристик, отражающих, в целом, сочувствие и симпатию автора к России и русским.

Одной из важнейших заслуг Боденштедта в созидании русско-немецких культурных связей являются его переводы произведений Тургенева на немецкий язык.

Первым произведением Тургенева, которое прочитал Боденштедт, стало «Дворянское гнездо». Это было в апреле 1861 года, а через месяц, в субботу, 4 мая 1861 года, в Мюнхен приехал и сам Тургенев. Боденштедт сразу же пригласил писателя в гости, и на следующий день они встретились. «Тургенев — один из самых импозантных и приятных людей, каких я когда-либо встречал»¹³, — записал Боденштедт в своём дневнике первое впечатление о Тургеневе. Назавтра Тургенев вновь был у Бо-

денштедта. В тот вечер в гостях у Боденштедта были также минеролог и поэт Франц Кобелль (1803—1882), поэт, романист, драматург Мельхиор Мейр (1810—1871) и философ Моритц Карриер (1817—1895).

Судя по дневниковым записям М. Мейра, Тургенев в этот вечер рассказывал о России, главным образом, о крепостном праве и земельных отношениях. Отмечая роль Крымской войны в развитии общественного самосознания, он сказал: «Крымская война была нам очень полезна: она освободила нас от царя Николая (личина великого человека) и открыла нам самих себя».

На следующий день Тургенев и Боденштедт были в театре, после чего нанесли визит своим общим знакомым Хилковым, а в среду 8 мая Тургенев уехал в Берлин.

Вскоре Тургенев в письме дочери в Париж попросил её выслать Боденштедту оба тома французского издания своих повестей, а затем по поручению Тургенева Боденштедту было выслано собрание его сочинений из Москвы. Таким образом, в июле 1861 года у Боденштедта имелись все сочинения Тургенева.

«Моё основное чтение в последние дни — это Тургенев, чьи произведения чрезвычайно захватили меня», — записал Боденштедт в своём дневнике 22 июля 1861 года. Не меньшее впечатление произвели они на жену Боденштедта Матильду*, которая уже летом 1861 года перевела «Муму» и «Якова Пасынкова» с французского издания (русским языком она не владела). В ноябре 1861 — январе 1862 года они были опубликованы во Франкфурте-на-Майне и в Гамбурге. Долгое время оба перевода приписывались Боденштедту, поскольку издатели не хотели указывать имени Матильды, и ему пришлось пойти на компромисс: в публикации была обозначена лишь фамилия переводчика без имени или инициалов. В мае 1862 года был опубликован перевод повести «Фауст», сделанный уже самим Ф. Боденштедтом. Этот перевод чрезвычайно понравился Тургеневу. «Только что прочёл его

* Боденштедт (урожд. Остервальд) Матильда — жена Ф. Боденштедта с 1850 г. Положила на музыку стихи Ф. Боденштедта и других поэтов. Автор детской книги.

и был буквально в восторге — это просто-напросто совершенство. (Говорю, разумеется, о переводе, а не об оригинале.) Недостаточно знать до основания русский язык — надобно ещё самому быть большим стилистом для того, чтобы создать нечто столь совершенно удавшееся», — писал он Боденштедту 19 (31) октября 1861 года. Мнение Тургенева разделял и Пич: «Своим переводом тургеневского “Фауста” <...> он создал настоящий шедевр»¹⁴, — писал он Т. Шторму.

По предложению Тургенева Боденштедт взялся за перевод других его произведений для будущего собрания сочинений. Писатель высоко ценил искусство Боденштедта и полностью доверял его мастерству и добросовестности. «Для меня истинная удача найти переводчика, подобного Вам, и я заранее горжусь этим. Что же касается выбора, который Вы просите меня сделать из моих произведений, то я полагаю, что Вы лучше меня можете судить о том, что именно будет наиболее подходящим для немецкой публики. Однако, сообразуясь с Вашим желанием, я назову некоторые сочинения — а именно: “Дворянское гнездо”, “Рудин”, “Постоялый двор”, “Дневник лишнего человека”, “Первая любовь”, “Ася”, “Три встречи”, “Затишье”, не считая “Муму” и “Фауста”, уже переведённых Вами. К этому можно бы ещё прибавить мой последний роман “Отцы и дети” <...> Сделайте с этим то, что найдете подходящим, и это будет прекрасно. Если Вы пожелаете присылать мне рукописи, обещаю Вам по возможности не задерживать их надолго, но я не знаю, право, нужно ли это», — писал Тургенев Боденштедту 25 октября (6 ноября) 1862 года.

В 1863—1864 годах в Мюнхене было издано собрание сочинений Тургенева в двух томах. В него вошли «Муму», «Яков Пасынков», «Фауст», «Постоялый двор», «Поездка в Полесье», «Призраки» и «Первая любовь». Боденштедт планировал продолжить работу, но вследствие недостаточно большого сбыта издатель отказался возобновить договор. Тем не менее перевод Боденштедта вскоре стал известен широкому кругу немецкой читающей публики. В германской прессе появилось свыше 20 восторженных рецензий, отмечавших также и переводческий талант Боденштедта. «Современная русская литература едва ли могла

желать себе лучшего переводчика в Западной Европе, чем задушевного немецкого поэта Боденштедта»¹⁵, — отмечалось в одной из них. Того же мнения придерживался и Л. Пич: «Оба тома боденштедтовских переводов Тургенева навсегда останутся неподражаемыми»¹⁶, — писал он 20 лет спустя.

Боденштедт был не первым переводчиком Тургенева на немецкий язык. До него Тургенева переводили Август Видерт, Август Больц, Пауль Фукс; в начале 1860-х годов — Моритц Гартман и Вильгельм Вольфзон. Однако именно мюнхенское издание Боденштедта открыло Германии Тургенева, который отныне стал в ней самым популярным русским писателем.

После 1861 года Тургенев и Боденштедт виделись лишь раз: с 6 по 13 августа 1863 года в Баден-Бадене. «В остроумной беседе с любезным Тургеневым время проходит столь быстро и приятно, что я не испытываю потребности ни в каком другом обществе и, по возможности, избегаю новых знакомств»¹⁷, — писал Боденштедт жене 9 августа 1863 года.

Тургенев высоко ценил мастерство Боденштедта как переводчика поэзии. «Франк [парижский издатель — *И. Т.*] передал мне Ваш превосходный перевод сонетов Шекспира, и я погружён эти дни в волны поэзии, которая забыта в наши дни и которую Вам суждено было воскресить. <...> Впечатление того, что это перевод, совершенно исчезает: Ваши стихи льются с изумительной лёгкостью, и только прочитав их, начинаешь думать с удивлением о трудностях, которые Вы осилили», — писал Тургенев Боденштедту 12 (24) февраля 1862 года. Естественно, что именно такому переводчику Тургенев решил доверить перевод на немецкий язык стихов русских поэтов для сборников романсов Полины Виардо. Обратившись с этой просьбой к Боденштедту в письме от 24 июня (6 июля) 1863 года, Тургенев отметил: «Раз дело коснулось перевода, я, естественно, подумал о Вас, самом совершенном и самом тонком из переводчиков».

Переводы Боденштедта не обманули ожиданий Тургенева, хотя он и подверг их некоторому редактированию. «Переводы прекрасны — это само собой разумеется, ибо они Ваши», — отметил он в письме к Боденштедту от 25 января (6 февраля) 1864 года.

Среди мюнхенских литераторов, с которыми встречался Тургенев в 1861 году, следует упомянуть известного писателя Пауля Гейзе (1830—1914). С творчеством Тургенева П. Гейзе познакомился ещё в 1854 году, когда прочел первый том «Записок охотника» в переводе А. Видерта, изданный в Берлине. Тогда же одной из берлинских газет была опубликована рецензия П. Гейзе на эту книгу. В следующем году он написал ещё одну рецензию на второй том «Записок охотника», изданный в переводе А. Больца¹⁸.

В 1862 году П. Гейзе посвятил Тургеневу сборник своих новелл, на титульном листе которого было написано: «Ивану Тургеневу, русскому мастеру новеллы, автор с дружеским приветом посвящает эти страницы». Тургеневу, вероятно, был приятен этот знак внимания от молодого талантливого писателя. В письме к П. Гейзе от 12 (24) августа 1862 года он поблагодарил его за посвящение и отметил: «Эти маленькие рассказы преисполнены поэзией, изящества, тонкости и правды».

В 1863—1871 годах Тургенев жил в Баден-Бадене. Этот период весьма существенен в его творческой судьбе. Здесь он написал роман «Дым» (1865—1867), а также 8 повестей и рассказов: «Призраки» (1861—1863), «Довольно» (1864), «Собака» (1864), «История лейтенанта Ергунова» (1866—1867), «Бригадир» (1867), «Несчастливая» (1869), «Странная история» (1869) и «Степной король Лир» (1870).

В Баден-Баден Тургенев переехал из Парижа вслед за семьёй Виардо и вскоре полюбил этот спокойный живописный городок, в котором надеялся найти своё последнее успокоение. «Я не вижу причин, почему мне не поселиться в Бадене: я это делаю не из желания наслаждений (это тоже удел молодости) — а просто для того, чтобы свить себе гнёздышко, в котором я буду дожидаться, пока наступит неизбежный конец», — писал он Е.Е. Ламберт 22 августа (3 сентября) 1864 года.

Впервые Тургенев оказался в Баден-Бадене в 1857 году. С 31 июля по 2 августа он жил в гостинице «Голландский двор» (где в 1843 и 1849 годах останавливался Гоголь). Здесь произошла его встреча с Л. Толстым и Я. Полонским. В 1862 году он жил в Баден-Бадене два месяца: с 21 августа по 27 октября. Воз

можно, свои тогдашние впечатления от Баден-Бадена Тургенев отразил три года спустя в первых строках романа «Дым», действие которого начинается 10 октября 1862 года: «Погода стояла прелестная; всё кругом — зелёные деревья, светлые дома уютного города, волнистые горы — всё празднично, полною чашей раскинулось под лучами благосклонного солнца; всё улыбалось как-то слепо, доверчиво и мило, и та же неопределённая, но хорошая улыбка бродила на человеческих лицах, старых и молодых, безобразных и красивых».

3 мая 1863 года Тургенев окончательно поселился в Баден-Бадене. До 1868 года он снимал первый этаж дома печного фабриканта Анштетта на улице Шиллера.

Хозяйка дома — Минна Анштетт (1818—1890) — на всю жизнь сохранила о Тургеневе тёплые воспоминания и охотно делилась ими с баденским краеведом и поклонником творчества Тургенева Вильгельмом Гаапе. В 1904 году, когда на доме Анштеттов была установлена мемориальная доска, он издал небольшую брошюру о писателе, в которой передал то, что рассказывала ему умершая к тому времени Минна Анштетт. «Старая хозяйка, — пишет В. Гаапе, — вспоминала с трогательной привязанностью о своём жильце. О его добросердечии, ласковости, простоте и душевности рассказывала она много интересного. Однажды, когда он собирался на охоту, госпожа Анштетт попросила его сделать пожертвование на погорельцев. Тургенев дал ей 50 гульденов, но при этом был крайне раздражен тем, что его задержали. Вернувшись, он извинился за свою несдержанность и дал ей ещё 50 гульденов. В течение двух лет он помогал в Раштатте сиротам из бедной образованной семьи. Ни одному нуждающемуся не отказывал он в помощи. Госпожа Анштетт могла говорить с ним совершенно доверительно и делать ему замечания. Тургенев, уходя к Виардо, часто брал с собой фонарь, поскольку возвращался от них уже в темноте. Госпожа Анштетт как-то заметила, что не подобает такому почтенному господину ходить с фонарём. На это он ей ответил: “Я — Тургенев независимо от того, с фонарём я или без”. Тургенев часто говорил: “Благородство — в душе, а не в крови”»¹⁹.

Тургенев сохранил добрую память о своей квартирной хозяйке. В письмах из Парижа баденским знакомым он часто просил передать ей привет; сохранилось и одно короткое письмо Тургенева к Минне Анштетт от 1 августа 1878 года. «Я всегда думаю о счастливом времени, когда я жил с Вами под одной крышей и так приятно проводил дни. Благодарю Вас за Ваше нежное попечение и заботу и желаю Вам всего самого лучшего», — писал ей Тургенев.

Воспоминания М. Анштетт — не единственное свидетельство о помощи Тургенева своим тогдашним нуждающимся согражданам. В баденской прессе имеется множество упоминаний пожертвований Тургенева в пользу благотворительных учреждений и частных лиц²⁰.

В 1868 году Тургенев поселился в доме на Тиргартенштрассе, который вошёл в историю как Villa Turgenjew. Участок для дома он приобрёл ещё в 1864 году, однако, вследствие финансовых затруднений, строительство шло медленно, и в начале 1868 года Тургенев продал его семье Виардо. Таким образом, дом, в который въехал Тургенев, ему формально не принадлежал. Оба дома Тургенева сохранились до нашего времени.

В Баден-Бадене Тургенев общался преимущественно с людьми, которые бывали в доме Виардо, превратившими этот небольшой курортный городок в один из известнейших музыкальных и культурных центров Европы. У них гостили писатели, художники и музыканты; высшая аристократия и царствующие особы почитали за честь посетить «Виллу Виардо»: здесь бывали прусский король Вильгельм I, бельгийский король Леопольд I, нидерландский король Вильгельм III и другие²¹.

Среди немецких литераторов, с которыми познакомился Тургенев в баденский период своей жизни, следует назвать Теодора Шторма, посетившего Баден-Баден в августе 1865 года. Несколько встреч положили начало 11-летней переписке. Среди эпистолярного наследия Тургенева на немецком языке семь сохранившихся писем к Шторму за 1865—1871 годы занимают особое место. Они необыкновенно задушевные и лиричны, даже, пожалуй, немного сентиментальны, что не характерно для большинства его писем. Тургенев и Шторм общались лично очень мало,

но духовный мир и творчество обоих писателей определили их глубокую взаимную симпатию.

30 ноября 1865 года, вспоминая августовскую встречу, Тургенев писал Шторму: «Я <...> должен <...> высказать Вам, как я был обрадован знакомством с Вами и как ещё буду радоваться, ибо Вы должны быть моим гостем в будущем году. <...> Перестаньте думать о том, что Вы здесь, может быть, высказались не так, как хотели: лучшие люди, как и лучшие книги, — это те, в которых читаешь между строк. Ручательство тому — светлые воспоминания, оставленные Вами в семье Виардо и у других. Тень Вашей тяжёлой утраты* лежала ещё на всём Вашем существе, но за ней сияли прекрасные лучи, и мы надеемся на самое лучшее в будущем году. Насколько я Вас знаю, пурпурного блеска не было и не будет в Вашей жизни, но всё-таки в ней будет больше лилового цвета, чем серого. <...> Я очень горд, что мои рассказы читаются в Вашем семейном кругу: это говорит о многом!»

В письме от 8 (20) января 1866 года Тургенев делится с Штормом своими впечатлениями о его рассказе «По ту сторону моря» и заключает: «Подобные произведения приносят много радости среди тривиальностей и жеманства современной однодневной литературы».

Узнав о новой женитьбе Шторма, Тургенев одобряет этот шаг с некоторым оттенком лёгкого грустного юмора: «Вы свили себе гнездо и уютно устроились в мягком пуху. Изрядная и прекрасная часть Вашего “я” умерла — но так случается почти с каждым человеком, перевалившим за четвертый десяток. Однако вокруг Вас трепещет молодая жизнь, ростки которой посадили Вы сами. Когда человек желает большего — его карают боги, если уж они не дали ему всё заранее; но такие любимчики редки и, как и все любимчики, не заслуживают обычно этого благоденствия. Но тут ничего нельзя изменить».

9 (21) февраля 1870 года Тургенев писал Шторму из Веймара: «Зимними вечерами мы читали Ваши сочинения в семейном кругу и наслаждались их нежной задумчивостью и прелестным

* Смерть жены.

юмором. <...> Я желаю Вам покоя и досуга, мягкости и ясности, и пусть минует Вас горечь и уныние, столь характерные для людей, которым, как нам, перевалило за четвёртый десяток».

14 (26) октября 1870 года Тургенев поделился с Штормом настроениями и чувствами, которые владели им во время франко-прусской войны: «Корабль истории подбрасывает высоко — надо крепко держаться, чтобы тебя не смыло. Вы тоже чувствуете в Вашей дали эти удары волн? А решение, жребий — какими они будут? Странное дело в теперешние времена не быть ни немцем, ни французом. Участвовать в событиях нельзя, а в собственной деятельности ты скован. Становишься зрителем с головы до пят — это не всегда приятно».

Последнее известное нам письмо Тургенева Шторму написано в Париже 8 (20) декабря 1876 года. Тургенев с похвалой отзывается о рассказе Шторма «Aquis submersus» и радуется «чистейшему семейному счастью», которым тогда наслаждался Шторм. «Эго лучшее, что есть в мире, — и мне остаётся лишь пожелать Вам сохранить его на долгие годы», — так завершил своё письмо Тургенев.

31 января 1865 года Тургенев, будучи в Штуттгарте, вместе с М. Гартманом посетил известного лирического поэта Эдуарда Мёрике (1804—1875). Об этой встрече поэт оставил весьма лаконичную запись в своём дневнике: «31-го посетил меня М. Гартман, писатель, вместе с одним русским — Тургеневым, очень известным романистом, из произведений которого я, однако, ещё ничего не читал»²². Тургенев же не только читал, но и очень любил стихи Мёрике за то, что в них «много грации и чувства» (см. письмо Фету от 9 (21) июня 1860 года). Особенно нравилась Тургеневу поэма Мёрике «Старый башенный петух», которую он знал почти всю наизусть²³; а три его стихотворения в своём переводе он включил в сборник романсов Полины Виардо, изданный в Петербурге.

Вторая встреча Тургенева и Мёрике состоялась в гостях у М. Гартмана, где Полина Виардо исполняла свои романсы на стихи Мёрике.

В июне 1865 года, находясь проездом в Берлине, Тургенев, посредством Л. Пича, познакомился с известным художником

Адольфом Менцелем (1815—1905). «Он совершенно очаровал наш кружок во главе с Менцелем, а Менцель, в свою очередь, представляется ему величайшим явлением в новом искусстве, какое только ему где-либо и когда-либо приходилось встречать»²⁴, — так рассказал об этой встрече Л. Пич Т. Штурму в письме от 18-19 июня 1865 года.

Во время непродолжительного пребывания в Берлине в апреле 1867 года Тургенев познакомился с журналистом, критиком и историком литературы Юлианом Шмидтом (1818—1886). Встреча с прославленным писателем произвела на Ю. Шмидта глубокое впечатление; впоследствии он вспоминал: «Тургенев был одним из самых милых, симпатичных людей, каких мне случалось встречать. Часы, проведённые в его обществе, принадлежат к самым дорогим воспоминаниям моей жизни. <...> Всюду он был душой общества: когда статный, величавый старик с выразительным, добрым и умным лицом, с густыми, белыми, как снег, волосами, принимался рассказывать, все обращались в слух. Слушателя приковывал не только рассказ его, блестящий умом, грацией и тонкостью оттенков, но и необыкновенное добродушие рассказчика. Ничего деланного в нём не было, никакого следа самомнения. <...> Он никогда не разыгрывал аристократа, хотя наружность его была настолько внушительна, что приковывала всеобщее внимание»²⁵.

Дважды — в сентябре 1869 и в октябре 1871 года — Тургенева посетил в Баден-Бадене известный историк и искусствовед профессор классической филологии Кёнигсбергского университета (в 1858—1892 годах) Людвиг Фридендер (1824—1909), опубликовавший в августе 1868 года в двух аугсбургских газетах статью о его творчестве. Перу Л. Фридендера также принадлежат весьма интересные воспоминания о Тургенева, впервые опубликованные в Германии в 1886 году. «Тургенев говорил по-немецки совершенно свободно, — отмечает Фридендер. — Очень редко прибегал он к английским или французским словам, когда не мог сразу подыскать соответствующего немецкого. Рассказывал он так же живо и увлекательно, как и писал. <...> Восторгов перед музыкой Вагнера он не разделял. Наиболее близкими ему композиторами

были Бетховен, Шуберт и Шуман. <...> Один знакомый раз высказал ему своё удивление, что он живёт в Германии, в стране, где искусство отстало. <...> Тургенев возразил, что пребывание в Германии всё-таки предпочитает другим местам»²⁶.

Однако ему пришлось покинуть Германию. 7 (19) ноября 1871 года вслед за семьёй Виардо он уехал в Париж и с этого времени до конца своих дней жил во Франции. Тем не менее, почти ежегодно, а то и по нескольку раз в год Тургенев бывал в Германии: или по пути в Россию или на лечении. Июнь-июль 1873 и август 1874 года он провёл в Карлсбаде, где его лечил известный профессор бальнеологии Иосиф Зееген (1822—1904). Дом И. Зеегена был своего рода культурным центром Карлсбада, и Тургенев часто бывал у него в гостях, где встречался с писателями Б. Ауэрбахом, Адольфом Штаром (1805—1876), Генрихом Лаубом (1806—1884), историком искусства и директором картинной галереи в Карлсруэ Вильгельмом Любке (1826—1893), художником Густавом Рихтером (1823—1884) и другими. В Баден-Бадене Тургенева застала франко-прусская война. На писателя, большую часть жизни проведшего во французско-немецкой культурной среде, она не могла не произвести тяжёлого и глубокого впечатления. Военные действия проходили совсем рядом с Баден-Баденом, и контраст между гармонией и спокойствием разумно-прекрасной природы и отвратительной бойней, учинённой обезумевшими людьми, был мучителен. «Страшно и горестно было видеть в этой тихой прекрасной равнине, под кротким сиянием полузакрытого солнца этот безобразный след войны, и нельзя было не проклясть её и безумно-преступных её виновников», — писал Тургенев в «Письмах о франко-прусской войне», опубликованных в «Санкт-Петербургских ведомостях» в июле-сентябре 1870 года. Вместе с тем, в этих очерках Тургенев выступает, в целом, как хладнокровный политический аналитик. «Я искренне люблю и уважаю французский народ, признаю его великую и славную роль в прошедшем, не сомневаюсь в его будущем значении; многие из моих лучших друзей, самые мне близкие люди — французы», — писал он. Однако в этой войне Тургенев был всецело на стороне Пруссии, ибо считал поражение Франции залогом паде-

ния реакционного режима Наполеона III. В этом Тургенев видел «спасение цивилизации, возможность свободного развития свободных учреждений в Европе». В оценке франко-прусской войны Тургеновым владели не личные пристрастия; мнение о том, что военное поражение может способствовать либерализации внутривосточного положения в стране и в конце концов пойти ей на пользу, созрело у него давно: достаточно вспомнить высказывание в доме Боденштедта в 1861 году о значении поражения в Крымской войне для России. В «Письмах о франко-прусской войне» Тургенев также вспоминает о Крымской войне: «Едва ли не настал и их [французов — Я. Т.] черед получить такой же урок, который получили <...> мы под Севастополем». Победоносное наступление прусской армии несколько ослабило прогерманские настроения Тургенева. «Теперь немцы являются завоевателями, а к завоевателям у меня сердце особенно не лежит», — писал он П.В. Анненкову 3 (15) сентября 1870 года.

Будучи истинным гуманистом, Тургенев не мог находиться ни на стороне победителей, ни на стороне сильных. Свидетельство тому — его произведение.

2

НЕМЕЦКАЯ КУЛЬТУРА И ГЕРМАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ТУРГЕНЕВА

Немецкая культура и впечатления от Германии настолько слились с внутренним миром Тургенева, что стали неотъемлемой частью его творчества. Его герои зачитываются немецкой литературой, сюжеты многих произведений разворачиваются под музыку Шуберта, Бетховена и Вебера; местом действия повестей «Ася» и «Вешние воды» и романа «Дым» является Германия.

Один из наиболее ранних этапов биографии Тургенева — пребывание в пансионе Вайденхаммера — отражён в повести «Яков Пасынков» (где Вайденхаммер назван Винтеркеллером). Её первый эпизод запечатлел кроткого мечтательного подростка, самозабвенно читающего стихотворение Шиллера «Resignation» (Отречение). Почему же именно с этим лирическим глубоко фи-

лософским стихотворением соединил Тургенев образ главного героя своей повести?

«Resignation» восхищались многие друзья и современники писателя, близкие ему по духу. Н.В. Станкевич в письме к Я.М. Неверову так выразил своё понимание «Resignation»: «Кажется, поэт высказывает своё отчаянное убеждение: два цветка существуют для человека — надежда и наслаждение: кто сорвал один цветок, тот не требуй другого. <...> Вечность отвечает на ропот бедного сына земли и уничтожает его этим ответом! Как много тут поэзии!»²⁷ Именно это стихотворение советовал А.И. Герцен прочитать своей невесте Н.А. Захарьиной: «Прочти у Шиллера “Resignation”, его душа тоже была нежна, тоже страдала, но он знал самоотвержение»²⁸.

Впрочем, Тургенев заставил своего героя раскрыть томик Шиллера именно на странице с «Resignation» не только потому, что предполагал знакомство своих читателей с этим стихотворением. Сюжет повести неразрывно с ним связан и отражает раздумья самого Тургенева о том, что значит самоотречение, в чём смысл его и к чему оно приводит. Как истинно мудрые художники Шиллер и Тургенев, разбудив нашу мысль, оставляют нас одних перед этими вопросами — вечными и неразрешимыми.

След увлечения Тургенева в ранней юности романтическими драмами Шиллера можно найти в повести «Первая любовь»: «Княжеский титул на меня мало действовал: я недавно прочёл “Разбойников” Шиллера», — отмечает главный её герой, рассказывая о событиях, происшедших с ним в 16-летнем возрасте.

Первые поэтические опыты Тургенева родились под влиянием мечтаний и размышлений, навеянных чтением Шиллера. Нетрудно, например, заметить связь между стихотворением 19-летнего Тургенева «К Венере Медицейской» и «Богами Греции» Шиллера. Оба поэта, восхищаясь цельностью характеров и жизнеутверждающей культурой древних эллинов, с горечью сравнивают их с современными людьми с их измельчавшими чувствами и помыслами.

Герои двух произведений Тургенева, как и он, получили образование в Германии, и именно с ней связаны их лучшие воспо-

минания. Их внутренний мир сформировался под влиянием немецкой литературы, и её образы вместе с ними входят в сонное умиротворение русской дворянской усадьбы, неся с собою просветление и страдания. Вспомним: услышав в доме Дарьи Михайловны Ласунской балладу Ф. Шуберта «Лесной царь» на слова Гёте, Рудин проговорил: «Эта музыка и эта ночь напомнили мне моё студенческое время в Германии: наши сходки, наши серенады...» Собственно, эта фраза и даёт повод для беседы, во время которой Рудин проявил себя как интересный рассказчик и пробудил первые чувства в сердце юной героини.

Не будет преувеличением сказать, что немецкая литература сблизила сердца Рудина и Натальи. Для Рудина немецкая литература была связана с молодостью, полной романтических грёз и смелых надежд, она была самым дорогим сокровищем его внутреннего мира и, естественно, стала первым предметом его разговоров с прелестной и восторженной девушкой. Их содержание Тургенев передаёт довольно точно: «Какие сладкие мгновения переживала Наталья, когда, бывало, в саду, на скамейке, в лёгкой, сквозной тени ясеня, Рудин начнет читать ей гётевского “Фауста”, Гофмана или “Письма” БеттиныГ, или Новалиса**, беспрестанно останавливаясь и толкуя то, что ей казалось тёмным! <...> Рудин был весь погружён в германскую поэзию, в германский романтический и философский мир и увлекал её за собою в те заповедные страны».

Герой повести «Фауст», написанной через год, в 1856 году, отчасти внешне напоминает Рудина. Малейшего соприкосновения с немецкой культурой достаточно, чтобы в нём пробудились ностальгические воспоминания о далёких студенческих годах в Германии. Вспомним: наше настоящее знакомство с Павлом Александровичем Б. происходит в тот момент, когда он, приехав в свою деревню, погружается в чтение «Фауста»: «...Было время, я знал “Фауста” наизусть (первую часть, разумеется) от слова до

* «Переписка Гёте с ребёнком» (1835) Беттины фон Арним.

** Новалис (наст. имя Фридрих Леопольд фон Гарденберг) (1772—1801) — немецкий поэт и писатель романтического и религиозно-мистического направления.

слова; я не мог начитаться им... Но другие дни — другие сны, и в течение последних девяти лет мне едва ли пришлось взять Гёте в руки. С каким неизъяснимым чувством увидел я маленькую, слишком знакомую мне книжку. <...> Я унёс её с собою, лёг на постель и начал читать. <...> Я вспомнил всё: и Берлин, и студенческое время, и фрейлейн Клару Штих*, и Зейдельманна** *** в роли Мефистофеля, и музыку Радзивилла*** и всё и вся... Долго не мог я заснуть: моя молодость пришла и стала передо мною, как призрак».

Как и Рудина, Павла Александровича Б. связывает с главной героиней немецкая литература, а именно «Фауст» Гёте. Однако присутствие этого произведения не ограничивается его роковой ролью в судьбе безмятежной и спокойной доселе женщины. Тургенев посредством своего сюжета ставит те же проблемы, что и Гёте: является ли знание истинным благом? где предел допустимого в стремлении к истине? можно ли найти спасение от мира в отречении и самоотречении?

Довольно часто на страницах произведений Тургенева можно встретить немцев. Далеко не всегда он изображает их с симпатией. Достаточно вспомнить ватагу подвыпивших немцев в Царицыне («Накануне»), чопорного обывателя Карла Клюбера («Вешние воды»), коварного злодея Ратча («Несчастливая») и других, а также недописанный рассказ «Русский немец» (1847).

Особенно неприятное впечатление в Германии, а также среди петербургских и московских немцев произвела повесть «Вешние воды», давшая повод некоторым критикам обвинить писателя в германофобстве. Подобная реакция была полной неожиданностью для Тургенева, и 15 (27) июля 1872 года он с недоумением писал Л. Пичу: «Какими вы — все немцы — стали неженками, обидчивыми, как старые девы, после ваших великих успехов! [Имеется в виду победа во франко-прусской войне — *И. 71*] Вы

* Немецкая драматическая актриса, пользовавшаяся особенной популярностью в начале 1840-х гг.

** К. Зейдельманн (1793—1843) — знаменитый драматический актёр; играл в Берлине.

*** А.-Г. Радзивилл (1775—1833) — автор музыки к «Фаусту» (впервые исполнена в Берлине в 1835 г.) и другим произведениям Гёте.

не в состоянии перенести, что я в моей последней повести чуточку вас поцарапал? Но ведь своему родному народу — который я ведь, конечно, люблю, — мне случалось наносить и не такие удары». Та же мысль звучит и в письме к П. Гейзе от 10 (22) декабря 1872 года: «Меня упрекают в германофобстве и ещё невесть в чём. <...> О Германии я писал не хуже, чем о своей родине, которую я, право же, люблю».

Тем не менее на обилие немцев среди отрицательных героев Тургенева и его насмешки над отдельными сторонами немецкой жизни обращали внимание многие современники, в том числе и сами немцы, особенно жившие в Москве и Петербурге. Это побудило известного германского критика и автора книги о Тургеневе Евгения Цабеля в статье, опубликованной в «Московской немецкой газете» от 2 (14) ноября 1884 года, отметить, что трогательно-идеальный образ Лемма в «Дворянском гнезде» или описание рейнского пейзажа в «Асе» гораздо больше говорят об отношении Тургенева к Германии, нежели его отдельные отрицательные герои и насмешки над бездарными немецкими актёрами или плохой немецкой кухней.

Е. Цабель прав. Лемм — один из самых светлых и трагических образов в творчестве Тургенева. Судьба его типична: бедный немецкий музыкант, приехавший в Россию искать счастья, которого так и не нашёл. Всю жизнь он прожил в нужде и одиночестве среди людей, которые не ценили и не понимали его. Он страстно любил музыку, и она одна дарила ему утешение в его безысходной тоске. Лемм был талантливым композитором, но ни одно его сочинение не увидело свет, ибо «не умел он приняться за дело как следовало, поклониться кстати, похлопотать вовремя». Лемм — это обобщённый трагический образ преданного служителя искусства, чей талант вследствие несчастного стечения обстоятельств так и не смог разгореться в яркое согревающее пламя. Трагичность образа Лемма подчёркивается ещё и несоответствием между его нелепой смешной внешностью и возвышенной гордой душой художника, который знает себе цену. «Что-то доброе, честное, что-то необыкновенное виднелось в этом полуразрушенном существе. Поклонник Баха и Генделя, знаток своего

дела, одарённый живым воображением и той смелостью мысли, которая доступна одному германскому племени, Лемм со временем — кто знает? — стал бы в ряду великих композиторов своей родины, если б жизнь иначе его повела; но не под счастливой звездой он родился!» — так пишет Тургенев о своём герое.

В повести «Бретёр» изображён уже не выходец из Германии, а «русский дворянин немецкого происхождения» Фёдор Фёдорович Кистер, служивший корнетом одного из расквартированных в провинции полков. Вводя Кистера в повествование, Тургенев отзывается о нём с лёгкой иронией, подтрунивая над его немецкой аккуратностью: «Он привёз с собою дешёвенькие обои, коврики, полочки и т. д., оклеил все стены, двери, наделал разных перегородочек, велел вычистить двор, перестроил конюшню, кухню, отвёл место даже для ванны... Целую неделю хлопотал он; зато любо было потом войти в его комнату. Перед окнами стоял опрятный стол, покрытый разными вещичками; в углу находилась полочка для книг с бюстами Шиллера и Гёте. <...> Всё в комнате Фёдора Фёдоровича дышало порядком и чистотой». Легко заметить, что, подтрунивая над своим героем, Тургенев одобряет его, ибо сразу же за описанием комнаты Фёдора Фёдоровича следует описание типичного жилища его товарищей, напоминающего хлев. Всё своё свободное время Кистер проводит за чтением немецкой романтической литературы. Об этом свидетельствуют и бюсты Шиллера и Гёте на его столе, и его попытки читать своему невежественному приятелю классика романтической поэзии Генриха фон Клейста (1777—1811), и беседы с любимой девушкой о Шиллере. Упоённый образами любимых авторов, Кистер мечтает о самоотречении, самопожертвовании, идеальной любви, но мечты эти кажутся смешными и наивными, стоит им соприкоснуться с цинизмом, невежеством и обывательской серостью. Впрочем, Тургенев не идеализирует и самого Кистера. Его романтизм довольно поверхностен и предел его мечтаний — семейное счастье в деревенской глуши. Но Тургенев не захотел в этой повести насмеяться над идеалами своей молодости. Он слишком любил своего героя и немецкий романтический мир его грёз и поэтому не исполнил его желания и не превратил юного влюблённого мечтателя в заурядного помещи-

ка. Тургенев убил своего героя на дуэли, ибо не хотел низводить до житейской пошлости столь дорогой ему образ. Развязка вполне логичная: те же причины заставили и Пушкина прервать во цвете лет жизнь Ленского.

Германия является не только местом действия, но и фоном, неотъемлемой частью ряда произведений Тургенева. Сюжет «Вешних вод» связан с Франкфуртом-на-Майне и Соденом; «Дыма» — с Баден-Баденом. В мистической повести «Призраки», являющейся, возможно, аллегорической автобиографией Тургенева, описываются Швецингенский сад близ Маннгейма и Шварцвальд, где находился Баден-Баден. Однако, пожалуй, ни в одном другом произведении Тургенева Германия не занимает такого места, как в повести «Ася». Работу над ней писатель начал 30 июня (12 июля) 1857 года в городке Зинциг на Рейне, где он жил около месяца, и завершил в Риме 15 (27) ноября 1857 года. Сам Тургенев так рассказывал о рождении повести: «Проездом остановился я в маленьком городке на Рейне. Вечером, от нечего делать, вздумал я поехать кататься на лодке. <...> Проезжаем мы мимо небольшой развалины; рядом с развалиной домик в два этажа. Из окна нижнего этажа смотрит старуха, а из окна верхнего — высунулась голова хорошенькой девушки. Тут вдруг нашло на меня какое-то особенное настроение. Я стал думать и придумывать, кто эта девушка, какая она, и зачем она в этом домике, какие её отношения к старухе, — и тут же в лодке и сложилась у меня вся фабула рассказа»²⁹.

В основе повести лежат также впечатления Тургенева от Зинцига и лежащего по соседству Линца. Описание этих маленьких прелестных городков, находящихся в сердце романтической Германии, близ скалы Лорелей, исполнены нежной любовью не только к ним, но и ко всему идеальному немецкому поэтическому миру. Как вдохновенный художник запечатлел Тургенев Зинциг; Рейн в лунном сиянии; рейнские горы. Глубокой симпатией проникнуто описание весёлого сборища немецких студентов, спокойных и приветливых местных жителей.

«Даже и теперь мне приятно вспомнить мои тогдашние впечатления. Привет тебе, скромный уголок германской земли, с

твоим незатейливым довольством, с повсеместными следами прилежных рук, терпеливой, хотя неспешной работы... Привет тебе и мир», — так заключает Тургенев устами своего героя вереницу милых его сердцу образов, столь гармонично сочетающихся с лирической грустью повествования.

Среди творческого наследия Тургенева — несколько поэтических переводов с немецкого.

Первый известный нам перевод — песня Клерхен из трагедии Гёте «Эгмонт» — был выполнен в Мариенбаде в августе 1840 года. Его автограф содержится в письме Бакунину и Ефремову от 27—29 августа (8—10 сентября) 1840 года. Сам Тургенев не особенно серьёзно относился к этому переводу и не предназначал его для печати. (Впервые он был опубликован в 1912 году в журнале «Русская мысль», № 12, с. 146.) В письме он так прокомментировал его: «Я придумал нечто вроде музыки на эти слова и пел их целый день. Как они далеки от оригинала, я чувствую глубоко — да что мне за дело».

В сентябре 1843 года Тургенев перевёл последнюю сцену первой части «Фауста»; в следующем году перевод был опубликован в «Отечественных записках» (т. 34, № 6, отд. 1, с. 220-226). Но почему он избрал именно этот отрывок своего любимого произведения? Ответом на этот вопрос является всё будущее творчество Тургенева, увидевшего в так называемом «Маленьком человеке» трагического героя и разглядевшего величие и красоту в серой повседневной жизни.

«Гретхен, этот бедный, глупый, обманутый ребёнок, в этой сцене не в тысячу ли раз выше умного Фауста, который с торопливым смущением умоляет её бежать вместе с ним? <...> Но пошлость не восторжествует на этот раз: Гретхен убогавается трагической кончины», — так выразил Тургенев суть и вместе с тем притягательность для себя последней сцены первой части «Фауста» (см. рецензию писателя на перевод «Фауста» М. Вронченко).

В 1846 году был опубликован перевод Тургенева 12-й римской элегии Гёте (Петербургский сборник. Издатель Н. Некрасов. СПб, 1846. С. 512.). С «Римскими элегиями Тургенев, как мы помним, познакомился в декабре 1839 года; впечатления о них он выразил в

письме к Грановскому от 4 (16) декабря 1839 года. Среди элегий, которые больше всего понравились ему, он назвал и двенадцатую.

К поэтическим переводам с немецкого Тургенев вернулся в Баден-Бадене, когда работал с Полиной Виардо над составлением сборников её романсов. Для сборников, предназначенных для русских читателей, Тургенев перевел стихотворение Гёте «Перед судом»; Гейне «Стоит погода злая»; три стихотворения поэта, композитора и музыкального критика Рихарда Поля (1826—1896), жившего с 1864 года в Баден-Бадене, и три стихотворения Эдуарда Мёрике (1804—1875).

Известны также поэтические переводы Тургенева с русского на немецкий язык. Неудовлетворённый предложенным Ф. Боденштедтом переводом «Ночи» Пушкина, Тургенев в письме от 11 (23) июля 1863 года предложил свой вариант. В письме Ф. Боденштедту от 17 (29) июля 1863 года Тургенев предложил также свой вариант перевода стихотворения Фета «Тихая звёздная ночь». В январе 1864 года в Петербурге, обеспокоенный отсутствием письма Ф. Боденштедта с переводом «Птички» («Птичка божия не знает...») Пушкина, Тургенев сам перевёл это стихотворение: автограф его содержится в письме Полине Виардо от 24 января (5 февраля) 1864 года.

Тургенев не только в совершенстве знал, но и чувствовал, как родной, немецкий язык. Л. Пич отмечал, что никто из иностранных писателей не владел так хорошо немецким языком, как он³⁰. Неудивительно, что проблема литературных переводов — как с немецкого на русский, так и с русского на немецкий — постоянно волновала Тургенева, ибо он улавливал малейшую смысловую неточность, малейшую погрешность стиля.

Наиболее полно взгляды Тургенева на данную проблему отразились в его рецензии на перевод «Вильгельма Телля» Шиллера, выполненный Ф. Миллером (1843) и «Фауста» Гёте, выполненный М. Вронченко (1845). Обе рецензии были опубликованы в «Отечественных записках» и являются не только разбором самих переводов, но и своего рода литературоведческими эссе, отражающими взгляды Тургенева на творчество кумиров своей юности.

Рецензия на перевод «Вильгельма Телля» весьма сурова: Тургенев отмечает множество неточностей перевода, порой искажающих смысл текста; бедность языка переводчика, в результате чего «с описаний Шиллера смыты краски, — из речей выжат сок», и, наконец, то, что «стих вообще гладок и ровен, но слаб, бесцветен и водян». В то же время Тургенев признаёт, что Ф. Миллер всё же лучше справился со своей задачей, чем его предшественники, ибо он, по крайней мере, «не уродует бедного русского языка».

Критический разбор перевода Миллера навёл Тургенева на размышления о призвании переводчика, которые несколько месяцев спустя он развил в рецензии на перевод «Фауста». По мнению Тургенева, «переводы вообще можно разделить на два разряда: на переводы, поставившие себе целью, как говорится, познакомить читателя с отличным или хорошим произведением иностранной литературы, и на переводы, в которых художник старается воссоздать великое произведение. <...> Дух (личность) переводчика веет в самом верном переводе, и этот дух должен быть достоин сочетаться с духом им воссозданного поэта». Судя по рецензии Тургенева, Миллер передал содержание драмы Шиллера, но не воссоздал её.

Не менее сурова рецензия на перевод М. Вронченко. Правда, в предшествующей ей маленькой заметке, носящей информативный характер, Тургенев назвал труд М. Вронченко «самым отрадным и утешительным фактом литературы прошлого [1844 — *И. Т.*] года» и даже «подвигом», однако в следующем номере «Отечественных записок» подверг его весьма критическому разбору. Приветствуя появление на свет труда, призванного познакомить широкие круги русского образованного общества с величайшим произведением мировой литературы, Тургенев счёл своим долгом указать на неточный и порой тенденциозный перевод ряда фрагментов текста и, самое главное, на несоответствие всего перевода духу оригинала.

По мнению Тургенева, неточность была не единственным и даже не главным недостатком перевода Вронченко. Про одну его фразу Тургенев сказал: «Эго переведено слово в слово, а между тем какой неловкий и тяжёлый оборот! Г-н Вронченко большей частью переводил слова... одни слова». Оценивая же в целом труд Врон-

ченко, Тургенев заметил: «Вся роль самого Фауста переведена вообще довольно неудачно, хотя верно». Впрочем, это уже не результат невнимательности или небрежности Вронченко. «“Фауст” Гёте, сознаемся откровенно, превзошёл его силы; такая определённая, страстная, глубоко поэтическая личность могла быть переведена только другим поэтом», — таков приговор Тургенева.

В данном случае, вероятно, Тургенев под поэтом подразумевает не только самобытную творческую личность, но и человека, обладающего обострённым восприятием прекрасного. Именно такой человек и может стать, по мнению Тургенева, истинно хорошим переводчиком. Однако «такие натуры попадают довольно редко. Их нельзя назвать самостоятельными талантами, но они одарены глубоким и верным пониманием красоты, уже выраженной другим, способностью поэтически воспроизводить впечатления, производимые на них любимым их поэтом; элемент восприимчивости преобладает в них, и собственный их творческий дар отзывается страдательностью, необходимостью опоры».

Вероятно, в этой фразе содержится объяснение того, почему сам Тургенев ограничился переводом лишь одной сцены «Фауста».

Германия — неотъемлемая часть судьбы Тургенева. С ней переплетён его жизненный путь, её культура с ранних лет вошла в его духовный мир и во многом определила его творчество.

В Германии, во второй половине XIX века, Тургенев был, пожалуй, самым любимым зарубежным писателем. В 1883 году литературный критик Б. Штойбен в статье, посвященной памяти писателя, отметил: «Ни в одной другой стране его произведения так часто не переводились и с такой жадностью и восторгом не читались, как в нашей. <...> Мы, немцы, всё более и более привыкаем к Тургеневу и уже считаем его почти своим»³¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1988. С. 185.
- ² Клеман М.К. Летопись жизни и творчества И.С. Тургенева. М. — Л., 1934 С. 24-28.
- ³ Цит. по: Гутьяр Н.И. И.С. Тургенев в Берлинском университете // Русская старина, 1904. Т. 119, № 9. С. 558.
- ⁴ Из письма ориенталисту Н.В. Ханькову от 17(29) декабря 1871 г. Содержащиеся в этом письме воспоминания Тургенева о Риттере были включены Ханьковым в предисловие к его переводу одной из частей «Географии» Риттера «Иран», изданному в 1874 г.
Муратов А.Б. Письмо-воспоминание Тургенева о К. Риттере // Тургеневский сборник. Т. 4. Л., 1968. С. 250-251.
- ⁵ Гутьяр Н.И. Указ. соч. С. 572.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Русская старина, 1884, № 5. С. 391-398.
- ⁸ Клеман М.К. Указ. соч. С. 28-43.
- ⁹ Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1884. С. 143.
- ¹⁰ Цит. по: Тургенев И.С. Поли. собр. соч. и писем в 28 томах. Письма. Т. 5. М., 1963. С. 565.
- ¹¹ Там же, с. 566.
- ¹² Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1884. С. 165.
- ¹³ Раппих Х. Тургенев и Боденштедт // Литературное наследство. Т. 2. М., 1964. С. 333.
- ¹⁴ Там же, с. 333-335.
- ¹⁵ Там же, с. 343.
- ¹⁶ Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1884. С. 165.
- ¹⁷ Раппих Г. Указ. соч. С. 339.
- ¹⁸ Ионас Г. «Записки охотника» в оценке П. Гейзе // Тургеневский сборник. Т. 2. М., 1966. С. 111-115.
- ¹⁹ Schwirtz G. Baden im Leben und Schaffen Turgenyevs // Turgenyev und Deutschland. Berlin, 1965. S 251-252.
- ²⁰ Ibid., S 252.
- ²¹ Schwirtz G. Turgenyev in Deutschland. Jena, 1973. S 62.
- ²² Егунов А.Н. Тургенев и Мёрике // И.С. Тургенев. Сб. Орел, 1960. С. 230.
- ²³ Свидетельство Л. Бамбергера. Егунов А.Н. Указ. соч. С. 238.
- ²⁴ Тургенев И.С. Поли. собр. соч. в 28 томах. Письма. Т. 5. М., 1963. С. 689.
- ²⁵ Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1884. С. 11-12.
- ²⁶ Вестник Европы, 1906. № 10. С. 830-833.

²⁷ Цит. по: Тургенев И.С. Собр. соч. в 12 томах. Т.6. М., 1978. С. 343.

²⁸ Там же, с. 344.

²⁹ Там же, с. 354.

³⁰ Turgenev und Deutschland. Berlin, 1964. S X.

³¹ Ibid.

ОСНОВНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

1. Тургенев И.С. Поли. собр. соч. и писем в 30 томах. Сочинения в 12 томах. М., 1978—1986.
Письма в 18 томах. М., 1982 — ... (Т. 8. 1990).
2. Тургенев И.С. Поли. собр. соч. и писем в 28 томах. Сочинения в 15 томах. М., 1961 — 1968.
Письма в 13 томах. М., 1961 — 1968.
3. Горбачева В.Н. Молодые годы Тургенева. Казань, 1926.
4. Гутьяр Н.И. Тургенев в Берлинском университете // Русская старина, 1904, т.119, № 9. С. 553-557.
5. Иностранная критика о Тургеневе. СПб., 1884 (2-е изд. — СПб., 1908).
6. Клеман М.К. Летопись жизни и творчества Тургенева. М., 1934.
7. Ковалевский М. Баденский период жизни Тургенева // Юбилейный сборник Литературного фонда. СПб., 1910. С. 551-583.
8. Раппих Х. Тургенев и Боденштедт // Литературное наследство. Кн. 2. М., 1964. С. 333-356.
9. Domacher K. Die Rezeption J.S. Turgenevs in Deutschland. Diss. Potsdam, 1962.
10. Hock H. Eichholz J. Turgenev in der deutschen Kritik bis zum Jahre 1883 // Germanoslavica, Jg I, 1931-1932. Н. 1, 4. S 43-54, 557-593.
11. Hock H. Turgenev und die deutsche Literatur, Diss. Gottingen, 1953.
12. Laage K. E. Th. Storm und J. Turgenev. Heide in Holstein, 1967.
13. Rappich H. Bodenstedt und Turgenev //Turgenev und Deutschland. Berlin, 1965, S 204-246.
14. Schwirtz G. J. S. Turgenev in Deutschland. Diss. Jena 1974.
15. Turgenev und Deutschland. Berlin, 1965.
16. Wiegand K. Turgenev's Einstellung zum Deutschland. Diss. Hamburg, 1938.